

Войдя в столовую и заняв места, они наконец смогли подсчитать участников. Всего в этой игре оказалось двенадцать человек: четыре медсестры и восемь врачей. В самом дальнем углу, уткнувшись лицом в стену, безучастно обедал пожилой мужчина в синем рабочем комбинезоне — то ли уборщик, то ли просто разнорабочий.

Обед подали скромный: два овощных блюда и одно мясное. Обычная больничная стряпня, далекая от изысканной кухни.

Закончив с едой, Гу Мэн подпер щеку рукой. Потягивая напиток из пластикового стакана, он принялся лениво разглядывать соседей за соседними столами. Как выяснилось, за ними тоже наблюдали. Столкнувшись взглядом с одним из незнакомцев, Гу Мэн перестал притворяться и открыто принялся изучать соперника.

Гу Мэн отвернулся и поболтал в стакане недопитую апельсиновую газировку.

— Похоже, среди нас есть новички, — негромко произнес он, обращаясь к остальным. — Посмотрите на ту парочку за вторым столом справа. Они так и сыпят вопросами. Не знаю, что им там отвечают, но девчонка уже на грани слез.

— Раньше я думал, что это игра с распределением по уровням, — поделился своими соображениями Тан Чжи, ковыряя палочками безвкусный яичный пудинг. Больничная еда явно пришлась ему не по вкусу, отчего он недовольно поморщился. — Ну, например, если мы прошли одно испытание, то стали условными игроками второго уровня и в следующем раунде должны встретить только равных себе. Но, похоже, это не так. Система не ограничивает ранги участников. — Он с тоской отложил палочки. — Эх, учитель Гу, сейчас бы вашей домашней еды...

Последнюю неделю в Умном доме готовил исключительно Гу Мэн. Меню ни разу не повторилось, а кулинарные таланты учителя были настолько хороши, что все изрядно разбаловались.

Похвала согрела душу Гу Мэна. Он снисходительно улыбнулся:

— Ладно тебе, молодой господин, потерпи немного. Если получится, я позже загляну на кухню — вдруг удастся договориться и приготовить для тебя что-нибудь отдельно.

Бо Е отложил палочки, аккуратно промакнул губы салфеткой и с самым невозмутимым видом вставил свои пять копеек:

— Если выгорит, сделай и на мою долю. Мне все равно что, я непривередлив. Местная стряпня... скажем так, открыла мне новые грани отвратительного.

Гу Мэн закатил глаза, но спорить не стал. Вместо этого он озвучил вопрос, который давно не

давал ему покоя:

— Тан Чжи, ты ведь прошел одно испытание еще до того, как очутился в школе? Как тебе удалось так внезапно вклиниться в наш мир?

Тан Чжи молча перевел на него взгляд. Немного помедлив, он без лишнего смущения расстегнул две верхние пуговицы рубашки и слегка оттянул воротник в сторону. Чуть выше изящной ключицы алела татуировка — аккуратный, похожий на бантик символ бесконечности.

— Это особая привилегия за прохождение, — пояснил Тан Чжи. — Всего мне давалось две возможности добровольно выбрать игровой мир. Моим первым испытанием стал зомби-апокалипсис, где главным условием выживания было не подхватить заразу. Из всей группы выкарабкался я один. За это система и наградила меня правом выбора. Изначально меток было две, но затем с помощью кольца... — он приподнял левую руку, демонстрируя платиновый ободок на безымянном пальце, их с Бо Е обручальное кольцо, —...я выследил мир, в котором находился Бо Е. Одна татуировка тут же исчезла. Осталась последняя.

Эньцзинь бросил быстрый взгляд на кольцо, затем перевел взор на свою левую ладонь. Пальцы были девственно чисты, отчего он недовольно насупился.

Бо Е бесцеремонно притянул Тан Чжи за воротник обратно и быстро застегнул пуговицы под самое горло.

— Объясняешь — и объясняй, зачем раздеваться-то перед всеми?

Сидящий напротив Гу Мэн задумчиво прикусил трубочку, оставив на пластике мелкие следы от зубов.

— Если Эньцзинь прав, и у этой лечебницы действительно нет выхода... как нам отсюда выбираться?

Бо Е, который в этот момент коршуном следил, чтобы Тан Чжи доел свою порцию, ответил без особого интереса:

— Любое замкнутое пространство предполагает наличие тайных ходов. Либо же двери откроются сами, когда мы выполним какое-то скрытое условие и сработает скрипт NPC.

— И все равно, когда не видишь перед собой нормальной двери, как-то не по себе, — вздохнул Гу Мэн. — Тревожно на душе.

— Брось, — усмехнулся Бо Е. — Чего тебе бояться, когда мы рядом?

Гу Мэн поднял взгляд.

Тан Чжи, которому безвкусное варево буквально не лезло в горло, под строгим взглядом Бо Е все же пытался давиться мелкими кусочками. Бо Е осторожно пощекотал его под подбородком и ласково улыбнулся:

— Давай-ка без капризов. Ешь быстрее.

Затем Гу Мэн покосился вбок. Эньцзинь сидел, поджав губы, и все так же упорно буравил взглядом свою пустую левую ладонь, погруженный в какие-то свои, неведомые думы.

На душе у Гу Мэна вдруг стало поразительно спокойно.

И правда. Рядом с этими искренними, надежными людьми любые страхи отступали.

Покончив с обедом, четверка покинула столовую и спустилась в вестибюль первого этажа, чтобы проверить свои догадки.

Гу Мэн лично обошел весь периметр. Кругом высились глухие стены — ни малейшего намека на парадный вход. Сомнений не оставалось: больница заперта наглухо. За окнами расстился унылый, хмурый пейзаж. На подъездной дороге не было ни души, а просторная парковка перед зданием пустовала. Обычная глухомань, отрезанная от цивилизации.

Когда они проходили мимо Первой приемной, из дверей прямо под ноги Гу Мэну выскочил маленький мальчик, едва достававший ему до пояса. Гу Мэн невольно отпрянул.

Ребенку на вид было лет семь-восемь. Одетый в красное худи с капюшоном, он обладал бледной, почти фарфоровой кожей и огромными, круглыми темными глазами с четко очерченными веками. Одно такое невинное создание могло растопить любое сердце, если бы не его взгляд — неестественно застывший, от которого по спине пробежал неприятный холодок.

Гу Мэн тихо кашлянул, скрывая секундное замешательство, и огляделся по сторонам. Поблизости никого не было. Поддавшись профессиональной привычке учителя, он присел на корточки, мягко приобнял мальчугана за плечи и заговорил ласковым, успокаивающим тоном:

— Малыш, как тебя зовут? Почему ты здесь совсем один?

Ребенок медленно изучил лицо Гу Мэна, после чего впился пристальным взглядом прямо в его глаза. Не говоря ни слова, он залез в карман худи, достал оттуда огрызок карандаша с

маленьким блокнотом для набросков и, низко склонив голову, принялся что-то усердно строчить.

Расстояние между ними было крошечным, поэтому Гу Мэн отчетливо слышал торопливый шорох грифеля по бумаге.

Спустя мгновение мальчик развернул блокнот. На вырванном листке корявым детским почерком было выведено:

«Ваши глоза очень красивые»

В слове «глаза» красовалась жирная орфографическая ошибка.

Гу Мэн невольно улыбнулся.

— Спасибо за комплимент, — мягко произнес он. — Но ты так и не ответил. Как тебя зовут?

Мальчик упорно молчал, продолжая заворуженно рассматривать лицо собеседника. В его огромных зрачках застыла глухая, мертвая пустота. То ли Гу Мэну почудилось под влиянием гнетущей обстановки, то ли так оно и было, но этот взгляд не походил на человеческий. Ребенок смотрел на него не как на живого человека, а как на... вещь.

По позвоночнику полоснуло ледяным холодом. Гу Мэн резко выпрямился и сделал шаг назад, заново оценивая степень угрозы, исходившую от этого странного дитя.

— Ах ты ж, Фанфан! Опять ты убежал! — раздался громкий, уверенный стук каблуков.

К ним спешно приближалась старшая медсестра Юй Чуныцзяо с толстой папкой документов под мышкой. Она ловко перехватила мальчишку за локоть и притянула к себе.

Малыш бросил на нее короткий взгляд, поджал губы и затих, а на его лице в ту же секунду проступило выражение абсолютной детской невинности.

— Сколько раз говорить: нельзя здесь бегать! У врачей и медсестер много работы, ты им мешаешь, — ласково пожурив его Юй Чуныцзяо и тут же виновато повернулась к Гу Мэну, расплывшись в широкой улыбке: — Сяо Мэн, прости ради бога. Это Цзинь Фан, внук нашего покойного директора Цзиня. Мальчик раньше часто гостил у бабушки прямо здесь, в больнице. Директор Цзинь скончался совсем недавно, вот бедняжка теперь и дожидается, когда за ним приедут родственники.

Имя покойного директора всплывало уже не впервые, явно указывая на ключевую фигуру в сюжете. Гу Мэн только открыл рот, чтобы расспросить поподробнее, но старшая медсестра не

дала ему вставить и слова:

— Ладно, мы пойдем, не буду отвлекать тебя от дел. Пойдем, Фанфан.

Гу Мэну оставалось лишь вежливо попрощаться.

Она проводила взглядом скрывшегося за поворотом учителя. Развернувшись, Юй Чуньцзяо неторопливо повела Цзинь Фана по длинному коридору обратно к приемному покою.

Они шли невероятно медленно. Неожиданно голос старшей медсестры утратил былую приветливость, став глухим и зловещим:

— Не спеши... Все они достанутся тебе.

В этот момент из-за угла показались две женщины-игрока — одна в докторском халате, другая в форме медсестры.

Заметив парочку, женщина-врач слегка замедлила шаг и с любопытством спросила:

— Старшая медсестра, а что это за очаровательный мальчик?

Юй Чуньцзяо мгновенно преобразилась. Ее лицо вновь озарила добродушная улыбка, а голос зазвучал звонко и радушно:

— Это внук нашего покойного директора Цзиня! Ждет со дня на день приезда родных.

— Ой, прелесть какая!

— Какой послушный и милый ребенок!

Обе женщины расплылись в умилении, осыпая малыша комплиментами.

Цзинь Фан молча переводил взгляд с одной на другую. Затем он медленно подошел ближе и раскрыл свой блокнот перед женщиной-врачом:

«Ваши глаза очень красивые»

Женщина удивленно приподняла брови, слегка покраснела и ласково улыбнулась мальчику.

Когда Гу Мэн вернулся к стойке регистрации на первом этаже, Эньцзинь и остальные уже ждали его там.

— Ну что? — спросил Бо Е. — Нащупал выход?

Гу Мэн покачал головой:

— Никаких дверей. Зато по дороге я столкнулся с внуком директора Цзиня, мальчиком по имени Цзинь Фан. Станный он какой-то... словно глубокий аутист.

Он в подробностях пересказал недавнюю встречу.

— И когда за ним должны приехать? — поинтересовался Тан Чжи.

Гу Мэн лишь развел руками:

— Без понятия.

Бо Е окинул взглядом пустой холл. Понимая, что ловить здесь больше нечего, он предложил:

— Ладно, пойдем наверх. Осмотрим этаж за этажом.

У самого края стойки стояло плоское стеклянное блюдо, доверху наполненное разноцветными леденцами. Проходя мимо, Тан Чжи не удержался: зачерпнул целую горсть конфет и рассовал их по глубоким карманам медицинского халата.

Надземная часть больницы насчитывала пять этажей, не считая двух подземных уровней.

Планировка второго и третьего этажей практически полностью копировала первый: бесконечные вереницы специализированных кабинетов. Разве что на третьем дополнительно располагались две операционные. Четвертый этаж занимало стационарное отделение — более двадцати палат, переоборудованных под жилье для игроков. Пятый этаж отвели под кабинеты администрации.

Обход мало что дал: двери административного крыла оказались заперты наглухо, а в открытых помещениях не нашлось ровным счетом ничего подозрительного. Время пролетело незаметно. К без двадцати семь вечера большинство участников предпочли разойтись по своим комнатам на четвертом этаже.

Для врачей комендантский час наступал ровно в семь вечера. Желающих испытывать судьбу и разгуливать по коридорам в сумерках не нашлось: столкнусь они с какой-нибудь местной чертовщиной, сбежать бы просто не удалось. Медсестрам разрешалось бодрствовать до десяти вечера, однако две из них были новичками и, разумеется, панически боялись соваться в темные, безмолвные коридоры.

Обстановка комнат навевала жуть: две узкие койки, скромный санузел, покрытые вьевшейся гнилью и бурыми потеками крови стены. И все же выбирать не приходилось.

Гу Мэна и Эньцзиня поселили вместе, в палате по соседству с Бо Е и Тан Чжи.

Приняв душ, Бо Е с голым торсом стоял у постели, пытаясь перестелить ветхое белье. В этот момент из ванной вышел распаренный Тан Чжи. Его нежные щеки горели румянцем. Брезгливо покосившись на вторую койку у окна, матрас которой густо покрывали серые пятна плесени, он без лишних слов юркнул под одеяло к Бо Е.

— Будем спать вместе, — безапелляционно заявил он.

Разумеется, Бо Е возражать не стал.

Они рано потушили свет и улеглись на бок, лицом друг к другу.

За окном уныло зашуршал нудный, непрекращающийся дождь. Этот монотонный шелест капель действовал на нервы. Сырость, казалось, проникала сквозь пододеяльник прямо к телу, укутывая липким коконом, от которого все тело начинало чесаться.

В крошечной тьме Тан Чжи беспокойно завожился и нахмурился, силясь совладать с нарастающей тревогой. Открытую шею то и дело обдавало едва ощутимым, ледяным сквозняком, отчего по коже бежали мурашки.

Он плотнее прижался к груди Бо Е.

— Что такое? — шепотом спросил Бо Е. — Не спится?

Тан Чжи приоткрыл глаза и посмотрел в сторону ванной комнаты.

Движимая сквозняком дверь осталась приоткрытой. Висевшее над раковиной зеркало смотрело прямо в коридорчик спальни. Влажный пар еще не успел выветриться, и стекло покрывала тонкая белесая пелена конденсата.

Тан Чжи зябко поежился, невольно вглядываясь в матовый налет на зеркальной глади.

— Любимый... — тихо, капризно позвал он. — Закрой дверь в ванную, а?

Бо Е беззлобно усмехнулся и ласково щелкнул его по носу:

— И куда делась вся твоя былая храбрость?

Оскорбившись такой насмешкой, Тан Чжи по-детски надулся, приподнялся и в отместку ощутимо цапнул Бо Е за палец, почти до крови.

— Ай, ладно тебе, зубастик, — со смехом пробормотал Бо Е.

Он нехотя выбрался из-под теплого одеяла и подошел к двери. Взявшись за ручку, он бросил мимолетный взгляд внутрь тесного, погруженного во мрак помещения. Силуэт зеркала тускло поблескивал в темноте. Из-за слабого освещения в нем угадывались лишь нечеткие очертания предметов; собственное лицо разобрать было невозможно.

Бо Е потянул дверь на себя. В то самое мгновение, когда защелкнулся замок, по покрытой паром зеркальной поверхности бесшумно скользнула темная антропоморфная тень.

А затем сквозь пелену тумана проступило холодное, отчетливое отражение висевшего за окном серпа луны.

<http://bllate.org/book/19652/1988471>